

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ»

Кафедра русского, общего и славянского языкознания

Задания к контрольной работе по истории русского языка
для студентов заочного факультета

(Ч. II. История русского литературного языка)

Гомель 2003

Авторы-составители: Е.И. Холявко, Е.Ф. Асенчик

Рецензенты:

Т.Н. Богоедова, доцент кафедры русского,
общего и славянского языкознания
учреждения образования «Гомельский
государственный университет имени
Ф. Скорины», кандидат филологических наук;
Д.Д. Павловец, заведующий кафедрой
белорусской культуры учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени
Ф. Скорины», кандидат филологических наук, доцент

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Гомельский государственный
университет им. Франциска Скорины»

Задания к контрольной работе составлены в соответствии с требованиями учебной программы курса «История русского языка». Издание содержит 30 вариантов заданий, позволяющих индивидуально проконтролировать степень усвоения теоретических знаний и уровень владения практическими навыками характеристики текста, содержащего генетически разнородные языковые элементы. Материал контрольной работы на конкретных языковых фактах показывает взаимодействие церковнославянского и древнерусского (далее русского) языков в разные периоды развития литературного языка, смену типов литературного языка и формирование нового литературного языка, опирающегося в своем развитии на народную речь при сохранении осязаемого церковнославянского наследия.

Учебное издание сопровождается также образцами выполнения заданий, списком необходимой литературы.

Задания предназначены для студентов заочного факультета специальности «Русская филология».

© Е.И. Холявко, Е.Ф. Асенчик, 2003

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2003

ВВЕДЕНИЕ

Контрольная работа по истории русского литературного языка предназначена для студентов заочного факультета, обучающихся по специальности «Русская филология».

Задания составлены в соответствии с требованиями программы курса «История русского литературного языка».

История русского литературного языка изучает историю становления книжно-письменного, литературного языка с момента его возникновения в XI в. и до современного состояния начала XXI в. Усвоение курса предполагает наличие у студентов хорошей историко-филологической базы: знание старославянского языка как первого литературного языка славян, исторической грамматики русского языка, диалектологии, современного русского языка, понимание общеславянских культурно-исторических процессов.

Главная цель курса – сформировать у студентов представления о закономерностях развития русского литературного языка. В связи с поставленной целью требуется показать взаимодействие церковнославянского и древнерусского (далее русского) языков в разные периоды развития литературного языка, смену типов литературного языка и формирование нового литературного языка, опирающегося в своем развитии на народную речь при сохранении осязаемого церковнославянского наследия.

Теоретические сведения по истории русского литературного языка являются основой для практического овладения анализом текстов XI–XIX вв. разных функциональных разновидностей. Предлагаемые задания дают возможность проконтролировать степень усвоения теоретических знаний и уровень владения практическими навыками характеристики текста, содержащего генетически разнородные языковые элементы.

Работа содержит образцы выполнения заданий, а также список необходимой литературы.

Все тексты даны в соответствии с современной графикой, но с сохранением фонетических и морфологических особенностей их написания.

ЗАДАНИЕ 1. Произвести анализ языка текста (фонетический облик, лексический состав, морфологические черты, синтаксическая структура). Обратите внимание на использование в тексте генетически разнородных элементов: элементов церковнославянского языка, живой разговорной речи, «делового языка», фольклора.

ЗАДАНИЕ 2. Проанализируйте язык одного из произведений А.С. Пушкина по следующему плану: элементы традиционной поэтической манеры письма (определите характер и функции церковнославянизмов, архаизмов и других элементов книжного языка), «нового слога», отступление от этих традиций

(обратите внимание на язык реалистических, бытовых картин, слияние «высоких» поэтических и народно-разговорных элементов).

ВАРИАНТ 1

1. На войну вышедъ, не ленитися, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденю не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавшѣ ленощами, внезапно бо человекъ погыбаеть. Лже блюдися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тело. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости деяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, соль, аще не можете даромъ. Брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославять человека по всемъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присетите; надъ мертвеца идете, яко вси мертвени есмы. И человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имейте выше всего.

Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мне будетъ бесорома, и вамъ будетъ добро.

Его же умеючи, того не забывайте доброго, а его же не умеючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инехъ земль. Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а его же не умееть, а тому ся не учить. Добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отецъ мой деашетъ блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреню отдавшѣ богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узревше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвети очи мои, Христе боже, иже далъ ми еси светъ твой красный! И еще: господи, приложи ми лето къ лету, да прокъ, греховъ своихъ покаявсь, оправдивъ животъ», тако похваляю Бога! И седше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ехати, или поездити, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваетъ и зверь, и птици и человеци (Поучение Владимира Мономаха).

2. МИРСКАЯ ВЛАСТЬ

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева
Стояли, бледные, две слабые жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,

Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? –
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? –
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ? (1836)

ВАРИАНТ 2

1. Аще кто велик святитель или малы, рекше попове, душеполезному разуму и хитрому сведению навек, и в разум истинный прийти и иных научити, то аще будет научился и от мужа проста, рекше не от иерея, то держать ему его в своем сердце и в души и уме в незабывную память до исхода души своея, имя его со своим именем в молитвах и в всяком святом поминании, не токмо в дневных, но и в ночных молбах. Аще ли того в забыть положит или небрежением не въсхощет поминати в молитвах яже к Богу, или некия ради зависти, то своя ему молитва неприатна есть, аще таковой свят есть, понеже ему путь показал есть, ведущий в жизнь вечную, и дверь отворил райскую видением поведания, и ключа дал разума книжного. Да не мози никтоже имай разум свершен сея заповеди преступити, да и сам не преступиши того пути учения, и в погибель не внидеши, мнози бо не въсхотеша рченая деяти и погибоша. Нужа де же есть исповедати о инех слово велико; мы же научимся от Павловы повести, иже рече к Тимофею: Благости навек, трезв сый в всем доброю совестию, и в святительскую подобу облечися, почерпль еси от сосуда избраннаго неизреченнаа. И ведый буди, от кого навекл еси, яко измлада святаа книги умееши, могущаа тя умудрити в спасение, верующаа в Святую Троицу – Отца и Сына и Святаго Духа. Добрый бо человек от добраа сокровища износит добраа, а злый – от злаго злая. Яже не помянет, откуда что добра приемше, ти подобни суть псу гладному и зимою измерьзшу, и потом согрет и накормлен, и нача лаяти на съгrevшего и накормившего и (Кирилл Туровский. Слово святаго Курила епископа о том, еже не забывати учителей своих).

2. СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря.
Безмолвна долина глухая;

В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.
Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
И щит под шеломом заржавым,
Вонзились шпоры в увлажненный мох:
Лежат неподвижно, и месяца рог
Над ними в блистанье кровавом.
Вкруг холма обходит друг сильного – конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин –
И смотрит на латы – конь верный один
И дико трепещет и стонет.
Во тьме заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет –
Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит и сходит – и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.
Хладеет пришелец, кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом прокатился,
Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый, скок лѣтом на холм –
Взглянул... и главою склонился.
Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Всѣ мнит, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит –
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вкруг погибшего ходит (1815).

ВАРИАНТ 3

1. В лето 6545. Заложѣ Ярославъ городъ великій, у него же града суть Златая врата; заложѣ же и церковь святѣя Софѣя, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротехъ святѣя Богородица благовещенье, посемь святаго Георгия манастирь и святѣя Ирины. И при семь нача вера хрестѣянська плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастиреве починаху быти. И бе Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьце, и книгамъ прилежа, и почитая е часто в нощи и въ дне. И собра писце многы и прекладаше от грекъ на словенское писмо. И списаша книги

многы, ими же поучащися вернии людье наслаждаются ученья божественаго. Якоже бо се некто землю разореть, други же насеет, ини же пожинають и ядят пищу бескудну, - тако и сь. Отец бо сего Володимеръ землю взора и умягчи, рекше крещеньемъ просветивъ. Сь же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обретаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина: сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваляше ю, глаголаше: «Азъ, премудрость, вселих светъ и разумъ и смыслъ азъ призвах. Страхъ господень... Мои съвети, моя мудрость, мое утверждение, моя крепость. Мною цесареви царствуютъ, а силнии пишутъ правду. Мною вельможа величаются и мучители держатъ землю. Азъ любящая мя люблю, ищущи мене обрящють благодать». Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи велику ползу души своей. Иже бо книги часто чтеть, то беседуетъ с Богомъ или святыми мужи. Почитая пророческия беседы, и евангельская ученья и апостолская, и житья святыхъ отецъ, въсприемлетъ души велику ползу (Повесть временныхъ лет).

2. ЭЛЕГИЯ

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный.
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
На парус бедственных пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: «Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! Но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле –
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»
Но что я говорил... несчастный!»
Минуто я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилась во мне,
Не угасал мой пламень страстный.

Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я все еще горел – и в грусти равнодушной
На игры младости взирал издалека.
Любовь, отравя наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.
Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе
Иль дай еще летать надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе (1816).

ВАРИАНТ 4

1. Господи, благослови, отче!

Добро убо, братье, и зело полезно, еже разумевати нам божественных писаний учение: се и душу целомудрену стваряеть, и к смирению прилагаеть ум, и сердце на реть добродетели извостряеть, и всего благодарьствена человека стваряеть, и на небеса ко владычним обещанием мысль приводить, и к духовным трудом тело укрепляеть, и приобидение сего настоящего жития, и славы и богатства творить, и всея житискыя света сего печали отводить. Того ради молю вы, потщитесь прилежно почитати святые книги, да ся божиихъ насытивше словес и будущего века неизреченных благъ жадание стяжите: она бо аще и невидима суть, но вечна и конца неимуща, тверда же и недвижима. Да не просто претецемъ языкомъ пишемая глаголюще, но съ рассмотрениемъ внемлюще, потщимся делом створити я. Сладко бо медвенный сотъ и добро сахаръ, обоего же добрее книгий разум: сия убо суть скровища вечныя жизни. Аще бо сде кто обрелъ бы земное скровище, то не бы на се дерзнулъ, но единъ точыю честный камень взял бы, - уже бес печали питається, яко до конца богатство имый. Тако обретыи божественныхъ книгъ скровище, пророческихъ же и псаломьскихъ и апостольскихъ и самого спаса Христа спасеныхъ словес истинный с расужениемъ разум, - уже не себе единому бысть на спасение, но и инемъ многимъ послушающимъ его. Сему случается еуаггельская притча глаголющи: «Всяк книжникъ, научися царствию небесному, подобенъ есть мужу домовиту, иже износить от скровищъ своихъ ветхая и новая»; аще ли тщеславиемъ сказаетъ болшимъ угажая, а многи меньшая презрять, буестью крыя господню миасу, неадаый жизненнымъ торжникомъ, да удвоить царское сребро, еже суть человеческия душа, и видевь господь горды его ум, возьметъ свои от него

талантъ; сам бо прозорливымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. Аще бо мира сего власти учитися в нихъ и всемъ сердцемъ взискати ихъ, свидения и в житискихъ тружющеися вещехъ человеци прилежно требуютъ книжнаго поучения, колма паче нам подобаеть словесъ божиихъ, о спасени душъ нашихъ писаныхъ. Но тружается мой мутны ум, худ разумъ имея, немогий поряднихъ словесъ по чину глаголати, но яки слепъ стрелець смеху бываетъ, немоги намеренаго уллучити (Кирилл Туровский. Притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшномъ суде, и о мучении).

2. ИЗ ПИСЬМА К В.Л. ПУШКИНУ

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай Бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай Бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель,
Чтобы Шихматовым назло
Воскреснул новый Буало –
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et cetera.
Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно (1816)!

ВАРИАНТ 5

1. Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ и образъ твои красень; мед истачають устне твои, и послание твое аки рай с плодом.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлебъ ядуща; или пиеш сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от места незаветрена; егда лежиши на мягких постелях под собольими одеялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрелами сердце пронизающе.

Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманиемъ твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людям.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являетъ; тако и ты, княже, многими людми честенъ и славенъ по всемъ странам. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же реша: нашъ царь богатеи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужеи не добыти. Яко же рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа! Намъ ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко же Бог повелитъ, тако будетъ: поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма. Надеся на господа, яко гора Сионъ не подвижится въ веки.

Дивиа за буюном кони паствити, тако и за добрымъ князем воевати. Многожды безнрядиемъ полци погибають. Видих: великъ зверь, а главы не имеетъ; тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страняются персты, а тело основается жилами; дубъ крепокъ множеством корения; тако и градъ нашъ твоею дръжавою (Моление Даниила Заточника).

2. ОПЫТНОСТЬ

Кто с минуто переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит,
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заступишь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.
Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! Прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!» --
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,

Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.
Нет! Мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой *там* прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться - мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны.
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот (1814)!

ВАРИАНТ 6

1. Богъ вложилъ есть всякое похотенье человеку духовнымъ и телеснымъ деломъ: спанию время и мера, похотению едению время и мера, питию время и мера, женоложью похотению время и мера, - что ли боле въ имена писати? Всему есть похотению время и мера уречено, живущему въ вере честней, въ крестьянстве. Да аще вся та похотения деяти будетъ безъ време и безъ меры, то грехъ будетъ въ души, а недугъ в телеси. Недугъ всь ражается въ телеси человекѣ, въ кручинѣ. Кручина же съсядется от излишнаго пития и едения, и спания, и женоложья, иже безъ време и безъ меры. Кручины же три въ человецѣ: желта, зелена, черна; да от желтое огненная болезнь, а от зеленое зимная болезнь, а от черное смерть, рекши души исходъ; дьяволъ же тогда радуется о погыбели человекѣ. Того же недуга Богъ не створи, нъ самъ в себе стваряетъ недугъ безвременнымъ деяниемъ и безмернымъ, и самъ ся осужаетъ на муку; аще ся не покаетъ, ни встыгнется от того. И творилъ бы в подобно время и въ меру, и спасенъ бѣ былъ. Да всякому верному человеку держати той норovy: похотению время, а на излишнее похотение меру налагати узду въздержания; аще будетъ похотение безъ време, то въздержатся; аще ли въ время похотение будетъ, то твори, его же хочещи, нъ въ меру, а не безъ меры. Колико больше суть кони, колико ны вышii есть песь, и коеждо бо от техъ животныхъ видимъ, едѣша или пивша, чересъ сытъ не брегуть: аще и тмами нудящей будутъ, не хочетъ излише меры прияти – не убо ли сихъ и конь хужьши мы? Аще видимъ и скота грязяща, тѣ не презримъ, егда ли видимъ друга. Всегда погружаема, то посмеемся. Нъ мы, братье, не створимъ тако, да не будемъ осужени в муку: векъ бо сий коротокъ, а мука долга и бесъ конца грѣшному (Поучение Моисея о чрезмерномъ излишествѣ, XI в.).

2. Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль межъ юношей безумных,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.
Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.
Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.
День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.
И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?
И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять (1829).

ВАРИАНТ 7

1. Егда убо видиши кого жизнь сию в злобе живуща, без страха Божия, сущю ему в богатстве, и ничтоже зде приемлющу зла, не блажи его, но паче плачися о нем, понеже тамо примут его злыя муки. Такоже и добре живущаго видиши и во всем творяща волю Христову, но тмами беду приемлюща в мире сем лествнем, блажи его и завиди ему, яко зде разрешаются вси греси его, а тамо пойдет к велицей радости. Сего ради Павел рече: Все, иже хотят жити благоверно о Христе Исусе, мучими бывают зде, от человек, ли от князь, изгнаньем и ранами, заточеньем и многими бедами, узами и темницами, и прочими скорбьми. Господь бо рече: В мире сем скорбни будете, и держайте, яко Аз победих мир; Но печаль вам радость исходатает. Да аще жестоко и болезненно и скорбно приимеши зде, но еже о Бозе, то в будущий век – славу и честь и покой. Вскоре бо, братье, житье се мимоидет. Что бо Давид рече: Днѣ лет наших, в нихже 70 лет, аще ли велми, а 80 лет, боле в них труд и болезнь. Что же Иеремия и Иов? Клѣняшѣта дни

своя. Илья такоже, постясь, моляшесь, река: Господи, изми душу мою от мене; и Иона такоже, скорбя о Ниневгии граде, просяше смерти души своей. Апостол рече: Ходиша в овчинах и в козьях кожах, лишени, скорбяще, озлобляеми, имже не бе достоин весь мир. И се паки яве пишем: да никтоже венчается, аще незаконьне мучен будет. И паки: ни законьне потерпит, постом и поклоном и молением, разрешая всяк суз неправды.

Но упражняимыся от клеветы и от зависти, паче же и от пьянства; о упивающих бо ся рече Господь в Евангелии, яко таковии Царства Божия не наследят; ни внидет пост и моление во осквернышуюся душу от пьянства нечиста и скверньна. Не примет Бог, аще бо придет в церковь заут, питьем смердя и калями прогнив. Кде тя учиню, во пьяницах ли или в постниках? Яве есть, яко пьяници Царства Божия не наследят. Но и о сем смотри разумно, како ти Самсон, постясь, колико избиваше иноплемьник, яко по тысящи на день, и врата каменная вьстергаше, яко былье, и львове крепости руку его не терпяху: егда же прият его пьянство, тогда от жены побежен, и враги своим ят бысть, и очью лишен бысть, и в поношение бысть детем иноплемьничем. Но бежим, братье, недуга того, да не будем в руг бесом, и в оплакание верным и разумным, но чистым сердцем и трезвом умом попрем дьявола и козни его о Христе Иусе (Кирилл Туровский. Того же Кюрила наказанье).

2. Любовь одна – веселье жизни хладной,
Любовь одна – мучение сердец:
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!
Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть – и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалью связал
И в дар послал огонь любви несчастной.
Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! Младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,

В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько вздыхайте!..
Завидовать уже не смею вам.
Певцы любви! Вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец с волненьем призывали;
Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,
И мукою бессмертны вы своей!
Не тот удел судьбою мне назначен.
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу, уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье, -
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пусть она прославится другим,
Один люблю, - он любит и любим!..
Люблю, люблю!.. но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? Под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым (1816).

ВАРИАНТ 8

1. Не имей себе двора близъ царева двора и не дръжи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огнь трепетицею накладенъ, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеша устречися и сожжения портъ.

Господине мой! Не лиши хлеба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищъ бо мудръ, аки злато в кални судни; а богат красенъ и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мой! Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моя. Азъ бо, господине, одениемъ оскуденъ есмь, но разумомъ обилень; унь възраст имею, а старь смыслъ во мне. Быхъ мыслию паря, аки орель по воздуху.

Но постави сосуд скуделничъ под лепокъ капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса устъ моих. **Яко же Давидъ рече: сладка суг словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. Ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрываетъ же печаль сердце безумному.**

Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи, а безумнаго посылай, и самъ не ленися по немъ ити. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому пира. Лучше слышати прение умныхъ, нижели наказанія безумныхъ. Дай бо премудрому вину, премудрие будетъ.

Не сеи бо на бразнахъ жита, ни мудрости на сердци безумныхъ. Безумныхъ бо ни сеють, ни орють, ни в житницу собираютъ, но сами ся родятъ. Какъ в утель мех лити, такъ безумнаго учить; псомъ бо и свиньямъ не надобе злато, ни сребро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца посмеши, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синица орла, коли камение въсплавлетъ по воде, и коли иметь свинья на белку лаяти, тогда безумныи уму научится.

Или ми речеши: от безумнаго ми еси молвилъ. То не видалъ есмь неба полъстяна, ни звездъ лутовяныхъ, ни безумнаго, мудрость глаголющъ. Или ми речеши: сългалъ еси аки песь. Добра бо пса князи и бояре любятъ. Или ми речеши: сългалъ еси аки тать. Аще быхъ украсти умель, то толко быхъ к тебе не скорбилъ (Моление Даниила Заточника).

2. МАДОННА

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суеверно имъ дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.
В простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вечно зритель,
Одной: чтобъ на меня с холста, какъ с облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный спаситель —
Она с величиемъ, онъ с разумомъ в очахъ —
Взирали, кроткие, во славе и в лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, под пальмою Сиона.
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебѣ мне ниспослалъ, тебѣ, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейшій образецъ (1830).

ВАРИАНТ 9

1. Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставихъ предъ ними трепезы многообразныхъ брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смеють ми ся. Темъ же не ими другу веры, ни надеися на брата.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лепше смерть, ниже продолжень животъ в нищети. Яко же бо Соломонъ рече: ни богатества ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богатъ – гордость восприиму, аще ли буду убогъ – помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядню.

Темъ же вопию к тебе, одержимъ нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимирера, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужъ везде знаемъ есть и на чюжеи стране друзи держить; а убогъ во своей ненавидимъ ходитъ. Богатъ возглаголетъ – вси молчатъ и вознесутъ слово его до облакъ; а убогии возглаголетъ – вси на нь кликнуть. Ихъ же ризы светлы, техъ речъ честна.

Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от усть лвовъ. Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посекають его и на огнь мечють; тако и азъ всемъ обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человекъ, приемля многия беды. Никто же можетъ соли зобати, ни у печали смыслити; всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чюжеи беди, а о своей не можетъ смыслити. Злато съкрушается огнемъ, а человекъ напастьми; пшеница бо много мучима чистъ хлебъ являеть, а в печали обретаеть человекъ умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы едятъ, а печаль человека; печалну бо мужу засышють кости.

Аще кто в печали человека призритъ, какъ студеною водою напоить во зноинный день (Моление Даниила Заточника).

2. ОСЕННЕЕ УТРО

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень.
Взошла заря, блистает бледный день –
А вокруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее – и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;

Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный.
Уж нет ее!.. До сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны! (1816)

ВАРИАНТ 10

1. По предиреченных же веледушна мя твориши к терпению даже до конца, светлейшими епистолии твоей совещании во скорбехъ и противствех моихъ. Но зане человеци в сем мире, скорбемъ подлежащие, въ разныхъ чинехъ плаваютъ, сего ради за провождение долгаго времени в настоящихъ такоже умыслихъ нечто тебе от малыхъ написать. И за разумъ техъ спригодно то видяшеся последующи сподвигнути слово: или дело народное, или царство, или владычество къ своей вечности паче приемлет правду или тръпение? Аще речемъ, яко тръпение паче есть потребно к соблюдению владычества или царства, тогда вотще сложены суть законы. Тогда обычаи святыи и благые уставы разьрушени и въ царствехъ, в начальствехъ, во градахъ, сожителство человекъ живетъ безъ чину, или, аще к тому всемогий Богъ безвестнаа и тайная премудрости своеа открылъ кому, или вселичне мудростию упремудрилъ, или думою укрепилъ, или ратнымъ духомъ въружилъ, вся сиа Духу наплънати мнимъ о блаземъ. Кто можетъ противитися Богу – помилованныхъ от Бога нищетою или несмотрениемъ казнити, и где паки положимъ святого апостола Павла поучения: «Кто, - рече, - воиньствуеть своими оброки коли?» Сиречь да царю въиньствуеть, а своими оброки довлится, а не царскими. И паки святой апостоль Ияковъ глаголетъ: «Се мзда, - рече, - делателей, делавшихъ нивы ваша, лишена от васъ, въпиеть; и вопиения жавшихъ въ уши господа Саваофа внидоша». И аще нивы жавшихъ и делавшихъ тацехъ кричания въ уши господа Саваофа внидоша, мзды не взявшихъ, колице ми мниши болши быти велики труды подъемлющихъ за царя и за царство, и крови проливающи, и самую душу полагающе, и мзду малу приемлюще. Аще бо под тръпениемъ жити уставиши, тогда несть треба царству или владычеству правители и князи; престанетъ убо начальство, владычество и господьство, и живется безъ чину; с молвою сильный погнететъ безсилаго, да тръпение имать. Ниже треба будетъ судей въ царстве имети, иже коемуждо правду учинятъ, зане тръпение вся исполънить, иде же въ тръпении жити будутъ.

Аще же речемъ, яко правда есть потребна во всякомъ градскомъ деле и царстве къ прибытию царства, по ней же единому комуждо еже свое есть въздается, свято и праведно живется, тогда хвала трпения погибнетъ. Внегда глаголется «въ трпении вашемъ стяжете душа ваша» - къ разрешению сеа речи ведомо есть, яко ин есть судъ въ духовныхъ лицахъ, а инъ въ мирьскомъ начальстве (Сочинения Федора Ивановича Карпова. Послание митрополиту Даниилу, ХУ1 в.).

2. ПЛАТОНИЗМ

Я знаю, Лидинька, мой друг,
Кому задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досуг,
Кому ты жертвуешь – украдкой
От подозрительных подруг.
Тебя страшит проказник милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей.
Ты молишься другому богу,
Своей покорствуя судьбе;
Восторги нежные к тебе
Нашли пустынную дорогу.
Я понял слабый жар очей,
Я понял взор полузакрытый,
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей...
Твой бог не полною отрадой
Своих поклонников дарит,
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожит;
Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливый наслажденья,
Он брат любви, но одинок.
Когда бессонницей унылой
Во тьме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои неясные мечты,
Вздыхает нежно с бедной Лидой
И гонит тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкий, девственный покой.
В уединенном упоенье
Ты мыслишь обмануть любовь.

Напрасно! – в самом наслажденье
Тоскуешь и томишься вновь.
Амур ужели не заглянет
В неосвященный твой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступные мечты:
Не вечно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты (1819).

ВАРИАНТ 11

1. Рыцем же о Господни благодати, како приде к Овчи купели и виде человека расслаблена, долго время на одре в недуге лежаща, и выпроси его глаголя: «Хощеши ли сдрав быти?» - «Ей, - рече, - Господи! Хотел бых, нъ не имею человека, дабы по възмущении ангелове въвергл мя бы в купель. Нъ аще мя еси о сдравии, Владыко, выпросил, то крътьце послушай моего ответа, да Ти своя болезни напасть исповеде. 30 и 8 лет на одре семь недугомъ пригвожден слежю; греси мои вся уды телесе моего раслабиша, а душа моя прежде страсть [смерти] поношении бодома бысть. Богови молюся, и не послушает мене, зане превзидоша безакония моя главу мою. Врачем издаях все мое имение и помощи уллучити не възмогах, несть бо зелия, могуща Божию казнь пременити. Знаемии мои гнушаются мене, смрад бо мои всякая утехы лиши мя, и ближнии мои стыдятся мною, яко чюжь бых страсти ради братии моей. Все человеци мною кльнуться, а утешающаго не обретох. Мъртва ли себе нареку? – Нъ чрево ми пища желает и язык от жажа исыхает. Жива ли себе помышлю? – Нъ не тъкмо въстати с одра, нъ ни подвигнути себе не могу: нозе имею непоступне, руце же не тъчию безделне, нъ ни осязати себе тема съвладею. Непогребен мъртвыць разумеюся, и одр съ гроб ми есть. Мъртв есмь в живых и жив есмь в мъртвых, ибо яко жив питаюся и якоже мъртв не делаю. Мучим же есмь, акы в аде, бестудиємъ поносящих ми; смех бо есмь унотам, укаряющимъ мною, и старцем же лежю притьча к наказанию. Мною вси глумятся, аз же сугубо стражю: утрюду болезнь клещить мя, вънеуду досадами укоризньник стужаю си, от всех бо плывание слин покрывает мя. Двое сетование объдержит мя: глад паче недуга преодалает ми: аще бо и брашно обрящю, нъ в уста рукою въложити его не могу; всем молюся, дабы мя кто накърмил, и бывает делим мой бедный укрук с питающими мя. Стоню с слъзами, томим болезнию недуга моего, и никтоже придет посетит мене, един злостражю никымъ же видим. Егда же останъци тряпез богобойных людей принесени будутъ сде, скоро притекуть приставници Овчая купели, и не тако пси Лазоревы облизаху струпы, якоже си моя помилования пожирають. Не имею же ни имения, да бых си единого умъздил о мне пекущая человека, яко зле расточих даное ми в раи богатство, змьемъ в Едеме украдена ми бысть чистоты одежда, и сде лежю наг Божия покрова. Не имам

человека, иже бы не гнушаяся послужил ми (Кирилл Туровский. Того же грешнаго мниха слово о расслабленемъ от бытия и от сказания евангельскаго в неделю 4-ю по пасце).

2. НАСЛАЖДЕНЬЕ

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее – печали след.
С минут бесчувственных рожденья
До нежных юношества лет
Я все не знаю наслажденья,
И счастья в томном сердце нет.
С порога жизни в отдаленье
Нетерпеливо я смотрел:
«Там, там, - мечтал я, - наслажденье!»
Но я за призраком летел.
Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной.
Я вслед... но цели отдаленной,
Но цели милой не достиг!..
Когда ж весельем окриленный
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сиянье возгорится
Светильник тусклый юных дней
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей? (1816)

ВАРИАНТ 12

1. Образ же имел возраста своего средний, глава его неелика, глас его тонокъ, очи малы, ноги тонки; а ходилъ в разноцветном и хорошем одеянии. А перьстней и чепей золотых охочь был носить.

А говорил и писалъ въ книгах своих сице: «Неусыпно естество божие, бытие не имущее начала, от него же все крепкое существится словом», и прочая. И ины многыя мудрости написал и о немощах нутренних изъявил.

А самъ умывался в судне маслом древняным теплым. А какъ ложился на одре постеля своея спати, и онъ держалъ в руце своей яблоко меденое, а подъ яблоком у постели своей ставил умывалницу великую, медяную же, того ради, да егда уснетъ сном глубоким, и послабеет крепость плоти его, и выпадет то яблоко меденое из руки его и падет во умывалницу. И учинится стукъ и зукъ от обоих

сих, и разшумит его от сна глубокого, и будет яко не хотяй сна. И то была мера времени сна его.

Некогда же убо премудрый Аристотель вопросим бысть о философии и о свободных мудростех. Он же о философии отвеча: «Могу живуши то зделати без веления, что иной толь не сотворит по закону и с понуждением». А о свободных мудростех рече: «Корени свободных мудростей и горки суть, но плоды их велми сладки». И паки вопросим бысть от любопремудрых: «Что, - рече, - польза человеку тому, иже вместо истинны и лжу глаголет?» - он же тако к ним отвечал: «Егда тот человек и правду скажет, и онъ не веренъ будетъ».

А о дружбе рече, еже убо едино души во многих телесех живление бывает. К нему же паки реша: «Како бывают советы и беседы ученому человеку с неученым?» он же к ним отвечалъ: «Яко же и мертвый не требует от живаго ничто же, тако и неученый человекъ не приобщается совету ученаго человека ничим же. Учение бо, -- рече, -- во обители угодно и во обиде помочно».

Некий человекъ брань износя и хулы глаголаше ко Аристотелю. И отшед, и абие возвращая и рече: «Не в досаду ли ти есть о семъ, еже ти пред очима брань и хулу изнесох?» Аристотел же к нему отвечал: «А язъ на тобя в тое пору не възглянуль». И паки той же человекъ рече Аристотелю: «Слышах, - рече, - другаго человека, иже за очи велию ти брань творит и хулы тебе глаголет». Он же к нему отвечал: «Человече, егда от него прочь отиду, вели ему и бити меня» (Сказание об Аристотеле, конец XV – начало XVI в.).

2. ЭЛЕГИЯ

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш трезвый круг увидел снова я.
Всё те же вы, но сердце уж не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Уж я не тот... Невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Веселие рассталось с душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой –
Я всё забыл; печали молчаливой
Покров лежит над юною главой...
Напрасно вы беседою шутливой
И нежностью души красноречивой
Мой тяжкий сон хотите перервать,
Всё кончилось, - и резвости счастливой
В душе моей изгладилась печать.

Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне;
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет:
Пойду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак, — я радость ненавижу;
Во мне застыл ее минутный след.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до месячных лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.
О дружество! Предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам (1817).

ВАРИАНТ 13

1. Аще хощещи, рече, иного да мльчить — первие самъ умльчи, и яз ныне о тех, яже умыслихъ, мльчание устом моимъ налагаю.

Ныне убо что отвещаю тебе, и како пресветлейшей епистолии твоей конецъ наложити возмогу, како бо возможно есть мне, несвершеному, о свершенных и выших вещех свершенейшему тебе отвещати? Свтлейшая бо твоа епистолиа пользовати мне тебя пишеть, но како солнце, небесный свет, просить блистания от мирския вещи, море, водамъ мати, желаетъ речныя капли? Елико звезды отстоять от земли, и елико запад от вьстока, и светъ от тмы, и сладкое от горкаго, и белость от черноти, толико исповедую моему несвершению отстоати от твоего съврьшения. Что убо напишу или что тебе подати — не вем. Обаче да не безблагодаренъ твоимъ благодеяниемъ обрящуся, да не глух противу честных писаний твоих буду, паки перо на похвалу обращу, добродетели зеркало именуа тебя, и поучения златаго сладчайши арганъ напишю тебе, славнейша света учителю! Не сумнюся убо и звездою светлою нарищи тебе, от нея же лучи злаго слуха не исходят. Ты светилник горящъ, иже тмы омрачения не вестъ; ты благовонный цветъ добродетели, иже смрада оклеветателнаго гнушается; ты бисер всехъ благыхъ, ты свет учителемъ, ты — уста Христова, ты глас небесный, ты книжник живота, иже о мне, мне и не хотящу, славиши мя честию, ей же убо не достоин есмь; везде о мне проповедаеши, и, писании твоим угоднейшими мене чествуа, поздравляеши, в нихъ же паки ты, славны православныя церкви свет, солнца яснее, мой темный умъ, мракомъ неведения омраченъ, къ осиянию вечнаго света призываеши, она и вышняя лепота человечеськие жизни, светомъ премудрости просвещеная, путь нравомъ, писания таиньствомъ, правила живота,

светильникъ блудящимъ ногамъ моимъ на рекахъ Вавилонскихъ. Что въздамъ попечению твоему, имъ же по вся дни о спасении душъ нашихъ печешися, святаго учения настоаниемъ, и святаго живота прежнихъ отецъ образомъ, и данною ко мнѣ епистолии твоей изобилиемъ? (Сочинения Федора Ивановича Карпова. Послание митрополиту Даниилу, XV1 в.)

2. Мой другъ, забыты мной следы минувшихъ летъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нетъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что изменило мнѣ.
Пусть я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья,
Безпечно верь ему, летучий мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы для любви,
Для поцелуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Светла, какъ ясный день, младенческая совесть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повесть?
Она твой тихий умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Доверчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нетъ, милая моя,
Лишиться я боюсь последнихъ наслаждений.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я (1821).

ВАРИАНТ 14

1. Другъ веренъ – покровъ крепокъ и утверждено царствие; другъ веренъ – скровище духовно; другъ веренъ – паче злата и камня многоценнаго множае; другъ веренъ – оградъ заключень, источникъ запечатлень, въ время отверзаемъ же и причащаемъ; другъ веренъ – пристанище же и утѣха.

Все новое добро есть, нѣ ветхое всего лучши есть и силней.

Иже душа своя не брежетъ, нѣ паче умирающую плоть, то подобенъ есть тому, иже рабу кормитъ, а господу повержетъ. Иже земнаго ищетъ мимо небесныхъ, то подобенъ есть тому, иже хочетъ ратаю имети на стене написана, нѣ не на нивѣ оруща.

Мужъ мудръ – мудрымъ и смысловымъ другъ, а несмысленнымъ – богъ; мужъ мудръ, аще и убогъ, имать бо премудрость въ богатства место; праведныхъ богатство – къ всемъ бога миръ; велико богатство – умъ добръ.

Мужъ мудръ, аще и рабъ и нищъ, имея страх божий, лучи царя; имуще богатства многа – без ума не имуще страха божия, оногo съмыслом поучаяся закону божию – спасение получит, се же, не имуще страха божия, - спасения отпадет.

Богат мужъ, не наказан и не смыслень, подобень есть ослу, златою уздою обузданъ. Суть же убозии человеци и богобоязьнивии потребнейши суть. Подобно есть скупых и сребролюбивых житие мертваго вечера: вся бо имать плачуща, а веселящегося не имать.

Горбоватаго горее есть грешникъ: онъ бо за собою носит вред, а сий – въ себе. Ленивый горее есть болнаго: болный бо аще лежит да не ясть, а онъ и лежит и ясть.

Скупаго домъ, яко облачна ночь, крыющи звезды и свет от очию многих. Затъчена корчага – ти мльчаливъ мужъ: не известно, имать ли что въ себе.

Часто поминай Бога: да редко поминаа – помышляеши и поминаеши греховныя мысли.

Посупляй долу лице от неподобных гляданий, и егда ти прогоняет око душевное на вечнаа.

Ни влъкъ влъка губит, ни змиа змии потребит, нъ человекъ человека погубит.

Точно мертвеца целити, а стараго наказати; старость и нищета – два струпа неудобъ исцелна.

Затишие – кораблю пристанище, житию же человечю – беспечалие: бес печали имать веселие.

Человече, аще не веси, како спастися, ни книгъ умееши, еже ти себе не любо, того и другу не твори, спасешися (Наставление отца к сыну, XV в.).

2. ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встреппенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,

И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы... (1827)

ВАРИАНТ 15

1. Се уже рек приближающихся и уже мало нашего жития и века, якоже рече Господь, вся си събышася: и востати имат язык на язык и царство на царство и страна на страну и царь на царя и князь на князя, епископ на епископа и чернец на чернца и брат на брата; будут глады и пагубы по местом и трусы; вся же та в начяло болезнем. По том же солнце и месяц померькнет, небеса совиются во свиток и силы небесныя явятся. И по сем судия Божий приидет судити всему миру, скончавъшу бо ти ся уроку жития и остав'шим же ся трем летом седмыя тысящи; будет в та три лета царьство антихристово. По скончании же триех лет царьства его послет Господь Михаила и Гаврила, и вострубят в рога овня, и в мгновении ока воскреснут. Мертвии же праведницы по добродетели их прежде воскреснут, последи же грешницы омрачении по злым их делом, по сем огонь неугасимый потечет от востока и до запада, поядая горы и камене и древа, и море иссушая; твердь же яко бересто свертится и вся видимая сущия вещи развеет; человек вся от ярости огненныя яко воск растает и згорит вся земля, и сквозе тый огонь подобает итти всякому человеческому роду, и не будет где укрыти его, но будет болезнь и скорбь паче же грешным непокаявшимся и не единая же скорби имевши о души своей, но точию в покои мнозе, в пици и в питии, но во блюде и в прелюбодеянии и в прочих инех согрешениях, да тем явится им яру беду отмщения носящи, не явит бо ся им яко трием отроком хлад: явится праведным хлад, а не огонь – всех же суть нецыи мало имуще согрешений не исправленна яко человецы, понеже есть Бог един без греха, Иже плоть взя нашего спасения, да сий огонь искусивый очистит я, и просветятся тела его яко солнце; праведным же дает хлад, а грешным – опаление и омрачение. Прешедшим же им огненую реку ону, огненная же река си по Божию велению послуживъша, отшедша к западу и учинится во озеро огненное на мучение грешным. И по сем будет земля разна, яко же бе искони, и бела паче снега, и паки из нея трава и цветы мнози различнии и древа не яко видимая суще, но высотой и величеством невозможно изглаголати усты человеческими, понеже суть духовна о Христе Исусе о Господе нашем (Кирилл Туровский. Слово святого Кирила. Благослови, отче!).

2. КНЯЗЮ А.М. ГОРЧАКОВУ

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,

И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Мое гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.
Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою
Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там – когда стигийский брег
Мелькнет в туманном отдаленье,
Дай бог, чтоб в страстном упоенье
Ты с томной сладостью в очах,
Из рук молодого Купидона
Вступая в мрачный чёлн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях! (1814)

ВАРИАНТ 16

1. Сих же стопам последуя и житию их ревнуя, всякъ путь неправды възненавиде и истинну възлюби, его же и прежде написаниемъ слова вменихом и

от нас днесъ ныне похваляемъ есть Сергие, блаженный и преподобный отецъ нашъ. Сему убо въправду подобаетъ дивитися, и достойно есть ублажити: зане и онъ, человекъ подобострастенъ намъ бывъ, но паче насъ бога възлюби, и вся краснаа мира сего, яко уметы, въмени и презре, и усердно Христу последова, и богъ възлюби его; и яко угодити ему искрення потщася, и удиви и прослави его; «славящаа мя бо, - рече, - азъ прослаблю, уничижающаа же мя безъ чести будутъ». И его же богъ прослави, кто можетъ похвалу его скрыти? Лепо убо и намъ того въ правду достойно ублажити и похвалити: похвала бо его яже отъ насъ не оного что ползуетъ, но намъ паче спасение духовное съдеваетъ. Сего ради в наше научение полезно узаконися, иже отъ бога почести святыхъ последнему роду писаниемъ предавати, да не глубиною забвения покрываются святого добродетели, но паче же разумно словесы сказующе, подобно симъ открывати, яко не утаити ползу слышащимъ.

Вестъ бо добродетель словомъ многихъ умилити, яко же жаломъ душу уязвити и къ богу чистымъ житиемъ подвигнути. Такожде и съи приведе къ богу многихъ душа чистымъ своимъ и непорочнымъ житиемъ, преподобный игуменъ отецъ нашъ Сергие святой: старецъ чюдный, добродетелми всякими украшенъ, тихый кроткий нравъ имея, и смиренный добронравый, приветливый и благоуветливый, утешительный, сладкогласный и благоподатливый, милостивый и добросръдый, смиреномурый и целомудренный, благоговейный и нищелюбивый, страннолюбный и миролюбный, и боголюбный; иже есть отцамъ отецъ и учителемъ учитель, наказатель вождь, пастыремъ пастырь, игуменомъ наставникъ, мнихомъ начальникъ, монастыремъ строитель, постникомъ похвала, млъчяльникомъ удобрение, иереомъ красота, священникомъ благолепие, сущий въждь и неложный учитель, добрый пастырь, правый учитель, нелестный наставникъ, умный правитель, всеблагый наказатель, истинный кормникъ, богоподательный врачъ, изящный предстатель, священный чиститель, начальный общежитель, милостынямъ податель, трудолюбный подвижникъ, молитвеникъ крепокъ, и чистоте хранитель, целомудрия образъ, столпъ терпения (Житие Сергия Радонежского).

2. К НЕЙ

В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтахъ не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.
Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы, пролетевшие под сенью тишины,
Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,
Когда, поэзии поклонникъ безмятежный,
На лире счастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки –
И гулъ дубравъ горамъ передавал
Мои задумчивые звуки...

Напрасно! Я влачил постыдной лени груз,
В дремоту хладную невольно погружался,
Бежал от радостей, бежал от милых муз
И – слезы на глазах – со славою прощался!
Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!.. (1817)

ВАРИАНТ 17

1. Ино къ множеству трудов старьчих и къ великим исправлениемъ его възирая, акы безгласенъ и безделенъ в недоумении от ужаста бывая, не обретаа словес потребных, подобных деянию его. Како могу азъ, бедный, в нынешнее время Сергиево все по ряду житие исписати и многаа исправления его и неизчетныя труды его сказати? Откуда ли начну, яже по достоинству деяния того и подвигы послушателем слышаны вся сътворити? Или что подобает пръвие възпомянути? Или которая довлеет беседа к похвалениемъ его? Откуда ли приобрящу хитрость да възможна будет к таковому сказанию? Како убо таковую, и толикую, и не удобъ исповедимую повесть повесть, не веде, елма же чрез есть нашу силу творимое? Яко же не мощно есть малей лодии велико и тяшъко бремя налагаемо понести, сице и превъсходит нашу немощь и ум подлежащая беседа.

Аще бо и побеждает нашу худость, но обаче молимся всемилостивому и всесилному богу и пречистой его матери, яко да уразумит и помилует мене грубаго и неразумнаго, яко да подасть ми слово въ отвръзение устъ моих, не моего ради, глаголюще, недостойнства, но молитвъ ради святых старецъ. И самого того призываю Сергия на помощь и съосеняющую его благодать духовную, яко до поспешникъ ми будет и слову способникъ, еже и его стадо богозванное, благо събрание, съборъ честных старецъ. К ним же смирениемъ припадаю, и самех тех подножию касаюся, и на моление призываю и принуждаю. Зело бо тех молитвъ повсегда требую, паче же ныне, внегда сиа начинающу ми начинание и ко ей же устремихся сказания повести. И да никто же ми зазиратель на сие дръзающу будет: ни бо аз самъ възможне имам, или доволенъ к таковому начинанию, аще не любовь и молитва преподобнаго того старца привлечит и томит мой помысль и принуждает глаголати же и писати.

Достоит же яснее рещи, яко аще бы ми мощно было по моему недостойнству, то подобаше ми отинудь съ страхом удобь молчати и на устех своих пръсть положити, сведущу свою немощь, а не износить от усть глаголь, еже не по подобию, ниже подръзати на сицевое начинание, еже чрез свое достояние (Житие Сергия Радонежского).

2. ДОМОВОМУ

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес, и дикий садик мой,
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад, и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров –
Они знакомы вдохновенью (1819).

ВАРИАНТ 18

1. Вьструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в серебряныя органы возвитие мудрости своеа. Вьстани слава моя, вьстани въ псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповемъ ти ся. Да разверзу въ притчах гадания моя и провещаю въ языцех славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мой трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съюзъ сердца моего и разбих зле, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похуления твоего на мя.

Азь бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имею плода покаянию; имею бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мой, аки нощный врань на нырищи, забдех; и расыпая животъ мой, аки ханаонский царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своя.

Но видих, господине, твое добросердие к себе и притекох къ обыченеи твоеи любви. Глаголетъ бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и тои тя препитаеъ въ веки.

Азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на ню же ни солнце сияетъ, ни дождь идетъ; тако и азъ всемъ обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небесныа, яко тии не орють, ни сеють, но уповають на милость Божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоеа.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне чернеи смолы; кому Лаче озеро, а мне на нем седа плачь горкии; и кому ти есть Новьгород, а мне и углы опадали, зане не процвите часть моя (Моление Даниила Заточника).

2. (ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, *слова, слова, слова,*
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья,
-- Вот счастье! Вот права...(1836)

ВАРИАНТ 19

1. «Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Уповаи на бога, яко исповемся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же господя, - ти отдадутъ землю. — И еще мало, - И не будетъ грешника; взищеть места своего, и не обрящетъ. Кротции же наследятъ землю, насладятся на множестве мира. Назираетъ грешный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; господь же посмеется ему и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грешници, напряже лукъ свой истреляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ. Оружье ихъ внидетъ в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грешных многа. Яко мышца грешных скрушится, утверждаетъ же праведныя господь. Яко се грешници погыбнут; праведныя же милует и даетъ. Яко благословящии его наследятъ землю, кленущии же его потребятся. От господя стопы человеку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьется, яко господь подымлетъ руку его. Унь бех, и состарехся, и не видехъ праведника оставлена, ни семени его просяща хлеба. Весь день милует и в заимъ даетъ праведный, и племя его благословено будет. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в веки века». «Внегда стати человеком, убо живы пожерли ны быша; внегда прогневатися ярости его на ны, убо вода бо ны потопила».

«Помилуй мя, боже, яко попра мя человекъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиися со мною свыше». «Возвеселится праведник, и егда видить мечь; руце свои умыть в крови грешника. И рече убо человек: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судий земли». «Измий мя от врагъ моихъ, боже, и от встающих на мя отыми мя. Избави мя от творящих безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою». «И яко гневъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а завтра радость». «Яко лучыши милость твоя, паче живота моего, и устне мои похвалита тя. Тако благословю тя в животе моемъ, и о имени твоёмъ въздею руце мои». «Покры мя от сонма лукаваго и от множества делающихъ неправду». «Възвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю господя на всяко время, воину хваля его», и прочая (Поучение Владимира Мономаха).

2. КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, --
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он;

Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображение
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданиях, унижение;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором, --
Тогда ступай, не трать пустых речей --
Ты осужден последним приговором (1824).

ВАРИАНТ 20

1. И си вся от уст расслабленаго слышав, благый нашъ врачъ Господь Иисус Христос отвѣщавъ къ расслабленому: «Что глаголеши: Человека не имам! Азъ тебе ради человекъ быхъ щедръ и милостивъ, не сългавъ обѣта Моего въчеловеченія. Слышалъ бо еси пророка глаголюща, яко отроча родиться, Сынъ Вышняго, и данъ бысть намъ, и Тѣ болезни и недуги наша понесеть. Тебе ради Горьняго Цесарства скипетры оставль, нижнимъ служа обхожю, не придохъ бо, да Ми послужать, нѣ да послужю. Тебе ради, бесплѣтенъ сы, плѣтию обложихъся, да всехъ душевныя и телесныя недуги ицелю. Тебе ради, невидимъ сы ангельскимъ силамъ, всемъ человекомъ явихъся, не хощю бо Моего образа в тленіи презрети лежаща, нѣ хощю и спасти и в разум истинный привести. И глаголеши: Человека не имам! Азъ быхъ человекъ, да Богомъ человека сътворю, рехъ бо: Бози будутъ и сынове Вышняго вси. И кто ин Мене верней служиай тебе? Тебе всю тварь на работу створихъ, небо и земля тебе служита: оно влагою, а си плодомъ. Тебе ради солнце светомъ и теплотою служить, и луна съ звездами ночь обеляетъ. Тебе доля облаци дѣждьмъ землю напаяють и земля всяку траву семениту и древа плодовитая на твою службу въздращають. Тебе ради реки носить и пустыни звери питаетъ. И глаголеши: Человека не имам! И кто есть Мене верней человекъ, яко не сългахъ обѣта въчеловеченія Моего, кляхъся Аврамови глаголя: О семени твоємъ благословятся языци, в Исаце же будетъ ти племя, и в томъ выплѣтивъся, отложю обрезаніе, створю же брежю воду, многа [чюдеса] поражающую крещеніемъ, о нейже глаголетъ Исаяя, яко протѣржеса вода в пустыни; жажюще, на воду живу идете! Азъ есмь животноное озеро, и се породный источникъ отъ устъ Моихъ на тя

изливаю; а ты Овчая купели жадаеши, помале пресъхнути хотяща! Вьстани, възми одр свой, да слышитъ мя Адам и обновиться ныня с тобою от истления, в тебе бо пьрваго преступления Евъжину клятву исцеляю, Лазоря, уже раскысевъша в гробе и четьри дни имуща в мьртвых, словомъ жива створих, и тебе ныня глаголю: Вьстани и възми одр свой и иди в дом свой!» И скоро вьскочи расслабленный с одра, съдрав всеми уды телесе и силою мощьн, и взял носивъшаго и одра, посреде народа хожаше. (Кирилл Туровский. Того же грешнаго мниха слово о расслабленемъ от бытия и от сказанія евангельскаго в неделю 4-ю по пасце).

2. ОБВАЛ

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.
Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терек могущий вал
Остановил.
Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, осwirепев,
Свои брега.
И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.
И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец (1829).

ВАРИАНТ 21

1. Не бысть казни, кая бы преминула нас, и ныне беспрестани казними есмы, не обратихомся к господу, не покаяхомся о безаконии наших, не отступихомъ злыхъ обычай наших, не оцестихомся калу греховнаго, забыхомъ казни страшныя на всю землю нашу; мали оставши, велице творимся. Тем же не престають злая мучаще ны: завесь оумножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе оумъ нашъ, ненависть на другы вселися въ сердца наша, насытовъство имения поработи ны, не дасть миловати ны сироть, не дасть знати человечьскаго ества – но, акы зверье жадають насытитися плоть, тако и мы жадаемъ и не престанемъ, абы всехъ погубити, а горкое то именье и кровавое к собе пограбити; зверье едше насыщаются, мы же насытитися не можемъ: того добывше, другаго желаемъ! За праведное богатство богъ не гневается на насъ, но, еже рече пророкомъ: «С небеси призри господь видети, аще есть кто разумеая или взискаа бога, вси уклонишася вкупе», и прочее: «Ни ли разумеают все творящи безаконье снедающе люди моя въ хлеба место?» Апостол же Павелъ беспрестани въпиеть, глаголя: «Братье, не прикасайтесь делехъ злыхъ и темныхъ, ибо лихоимци грабители со идолослужители осудяться». Моисееви что рече богъ: «Аще злобою озлобите вдовицю и сироту, взопьют ко мне, слухом услышу вопль их, и разгневаюся яростью, погублю вы мечемъ». И ныне збысться о нас реченое: не от меча ли падохомъ? Не единою ли, ни двожды? Что же подобаетъ намъ творити, да злая престануть, яже томятъ ны? Помяните честно написано въ божественныхъ книгахъ, еже самого владыкы нашего болия заповедь, еже любити другу друга, еже милость любити ко всякому человеку, еже любити ближняго своего аки себе, еже тело чисто зблюсти, а не осквернено будетъ блюдомо; аще ли оскверниши, то очисти е покаяниемъ; еже не высокомыслити, ни вздати зла противу злу ничего же. Тако ненавидеть господь богъ насъ, яко злу помятива человека. Како речемъ: «Отче нашъ, остави нам грехи наши», а сами не ставляюще? В ню же бо, рече, меру мерите, отмерит вы ся. Богу нашему (Поучение преподобного Серапиона Владимирского, XI в.).

2. РАЗЛУКА

Когда пробил последний счастьем час,
Когда в слезах над бездной я проснулся
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся –
Да! Помню всё; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль.
Забудемся, в мечтах потонет мука;
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;

Мою печаль усладой муза встретит;
Утешусь я – и дружбы тихий взгляд
Души моей холодный мрак осветит».
Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною,
Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною –
Я всё тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь – невольно призываю,
Заслушаюсь – твой голос слышен мне.
Рассеянный сию между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!
И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь любви ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной,
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние мое,
И, слушая бряцание твое,
Пускай вздохнут задумчивые девы (1816).

ВАРИАНТ 22

1. Слышасте, братье, самого господа, глаголяща въ Евангелии: «И въ последняя лета будет знаменья въ солнци, и в луне, и въ звездахъ, и труси по местомъ, и глади». Тогда реченное господомъ нашимъ ныня збысться – при насъ, при последнихъ людехъ. Колико видехомъ солнца погибша и луну померькъшю, и звездное пременение! Ныне же земли трясенье своима очима видехомъ; земля, от начала оутвержена и неподвижима, повеленьемъ божиимъ ныне движеться, грехы нашими колеблется, безаконья нашего носити не можетъ. Не послушахомъ Еуаггеля, не послушахомъ Апостола, не послушахомъ пророкъ, не послушахомъ светилъ великихъ, рку: Василья и Григорья Богословца, Иоана Златоуста, инехъ святитель святыхъ, ими же вера оутвержена бысть, еретици отгнани быша, и богъ всеми языки познанъ бысть, и те оущае ны беспрестани, а мы – едина безаконья держимся! Се оуже наказаетъ ны богъ знаменья, земли трясеньемъ его

повеленьемъ: не глаголетъ оусты, но дела наказаетъ. Всеми казнимъ ны, богъ не отведеть злаго обычая. Ныне землею трясеть и колеблетъ, безаконья грехи многия от земля отрясти хочетъ, яко лествие от древа. Аще ли кто речетъ: «Преже сего потрясения беша и рати, и пожары быша же», - рку: «Тако есть, но – что потом бысть нам? Не глад ли? Не морови ли? Не рати ли многыя? Мы же одинако не покаяхомся, дондеже приде на ны языкъ немилостивъ попустившю богу; и землю нашу пусту створша, и грады наши плениша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашу избиша, матери наши и сестры в поруганье быша». Ныне же, братъе, се ведуще, убоимся прещенья сего страшнаго и припадемъ господеву своему исповедающеся: да не внидем в болши гневъ господень, не наведемъ на ся казни болша первое. Еще мало ждеть нашего покаянья, ждеть нашего обращенья. Аще отступимъ скверныхъ и немилостивыхъ судовъ, аще применимся криваго резоимства и всякого грабленья, татбы, разбоя и нечистаго прелюбодеинства, отлучающа от бога, сквернословья, лже, клеветы, клятвы и поклепа, иныхъ дель сотонинных, - аще сихъ пременимся, добре веде: яко благая примутъ ны не токмо в сии векъ, в будущи, самъ бо господь рече: «Обратитесь ко мне, обращаюся к вамъ, отступите от всехъ, аз отступлю, казня вы» (Слово преподобнаго отца нашего Серапиона, XI в.).

2. ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки

Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня (1829).

ВАРИАНТ 23

1. Да аще кто от безумных речеть, да чему святыи ты книги дръжали, ты же отведай сице: Святии бо имели ум добр и не превратен и разум, данный Богом, да и ты книги имуще не превратишася, ни по учению тех книг ходиша, но ходили по учению пророческу и апостольску. А еретици святыя книги имели, но разума добра не имели, данаго Богом, да того ради превратишася и нарекошася еретици, отступницы Божии. Въсмердела бо ся бяше душа их от сикеры винное, и тако ослепоша очеса их сердечнаго разума, понеже бо престол пался подгнив, стоя прокисли, истлев от злаго того сморода, на немже почивает разум; разуму же негде бысть почивати и избеже вон, а диавол разум всели. И расплодися в них учение диаволе, быша еретици, и нача хулы многы приносить на Бога, не разумеюще приточь книжных, ни разумных слушающе, ни покаяющиеся, ни послушающе учения истиннаго и учащих ненавидяще, ведущих учением в жизнь вечную, а неслушающи и непокоривыи идуть в муку вечную. Преже бо того Павел апостол непокоривыя и непослушливыя веляше сотоне на казнь, сих же еретик святии отци, не могуще ума их безумнаго и непокорливаго наказати учением книжным, не предаша их на казнь сотоне, но прокляша а, ведуще, яко сотона их не казнить, но ждуть их вечныя муки, идеже будутъ привязани с учителем своим диаволом, но тѣй есть учитель непокоривый непокоривым. Тако бо и Павел пиша к святым и епископом и попом: Аще кто вас съблзните невидением книжным, да поучите его; али не послушает, ни покорится по первом и по втором наказании, да отвержется на проклятие и проклят да будет. Да се ныне мнози суесловици непокоривии и по десятнемнадесят наказании не послушают, что убо будет таковым! Не тем же ли будутъ обещници проклятым?

Мы же, братие, будем покорливыи и послушливы, творяще Божественнаа повеления святых книг, причиюще в ня, не пианым умом, но трезвым умом чтити жизнь вечную со всеми праведники покоривыми о Христе Иисусе, о Господе нашем, Ему же слава! (Кирилл Туровский. Слово святаго Кирила о книжном почитании и о учении).

2. ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней

В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной (1830).

ВАРИАНТ 24

1. Первое, брате, коея мудрости ищещи? Господь рече: Луче есть искати кротости, нежели мудрости. Кротость бо есть мати мудрости, и разуму, и помыслу благу, и всем добрым делом. Да аще обрящещи первое матерь, тогда мати дети к себе привабить, и тебе будут братья; с тою же братьею обрящещи собе Отца, то же ся Отец родил от Своего Отца преже всех век и пакы пришед в последняя лета, нас породи святым крещением и верою сыны себе створи, и облече ны в чистыя и красныя одежа. Да аще будем разгневали Отца, искалявше одежа крестыныя; ты же ли рци, кая искаляхом, и аз ти отвещаю: отбихом от себе матерь, а мачеху прияхом, ейже имя величанье. Дети же ея суть: гордость, непокорение, прекословье, презорьство, хула, клевета, зломыслье, гнев, вражда, пьянство, игры неприязнины и всякая злоба. Да аще хощещи матере ся лишити, а мачеху любити и ея дети, то с теми обрящещи собе гордаго дьявола, вязащаго в тме кромешней и в огни негасимемь, идеже и ты будещи привязан с нимь. Аще не отжениши от себе мачехы и ея дети и то не приимеши матере с детми ея, то будеть ти последняя горша первых. Ты же ми рци: како могу прияти матерь, а отца разгневив, а порты хрестыяныя искаляв? – Аз же тя, брате, научю: порты искаляныя измый, и тогда тя прииметь отец и начнет тя любити паче первых любве. Порты же суть крещение, вера, а кал – клевета, хула, осуженье, гневь, прекословье, сварь, бой, зависть, вражда, злу поминанье, непокорение, злосердие, злии помысли смехотворение и вся игры бесовьскыя, таже пакы запойство, резойманье, грабленье, разбой, татба, душегубьство, потвори, поклеп, вълхвованя, чародеяния, прелюбодеянья и всяка злоба; всего же того горее есть гордость, и еже есть всему тому мати.

Аще прииму матерь, реченую кротость, то чимь могу искаляныя порты омыти? И аз тя научю: омыеши страхомь Божиимь, и верою чистою, и смирениемь, покаяниемь и молитвою, слезами и постомь, поклономь и милостынею, и любовию, к всем мир, въздержание, терпенье, послушание добраго учение, покоренье, бденье, трезвьствомь и всеми добрыми делы; паче же всего того луче есть кротость добрая, еже есть всему добру мати (Кирилл Туровский. Слово о премудрости притча).

2. ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, --
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья (1825).

ВАРИАНТ 25

1. Слыши внятно и уразумей прилежне, что глаголет о фортуне басней премудръ некий христианский философъ: «Счастье у еллинехъ, -- рече, -- есть же и мнима есть беспромысленное миру строение или движение от безвестных на безвестное и собою бываемое; мы же, благовернии христиане, Христа бога исповедуем страяюща и правяща вся». И пакы тѣй же: «Не человеческими помыслы и съветы, но божиимъ промысломъ и неиспытанными его судьбами устроитися вся человеческая, е же убо человеци несмыслени тихинь и имарменинь обыкоша нарицати, не разумеюще, откуда и чесо ради кому бываютъ случаема». Мы же, благовернии христиане, веруемъ въ Христа, правяща вся.

Примети прилежне уставъ, иже по еллинех, фортунинъ: глаголють бо они частию быти беспромыслену строению мира, сиречь не по премудрому и праведну промыслу божію бываему. Разумееш ли отселе, яко велми латыне и германе хулять на единого преблагаго, и преправеднаго, и премудраго творца и правителя всячских, приписующе къ пречистому образу Спасову богомръзкое подобие счастья, акы некую съспешницу и състроителницу ему исповедующе ея, ниже от божественных писаней научившеся сему – ниже бо обрящещи нигде же въ богодухновенных писаниих носимо сицево душегубительно мудрование, -- ниже убо от внешних всехъ философъ хваляемо слышавше е – понеже и неции от них слепу наричють ея и беспромысленое миру строение, сиречь не по божію промыслу и учению бываему? Тии же, осуждающе Епикура философа о них же зле мудръствова и училъ есть, и симъ не хвалят и безбожника его наричють, сице глаголюще: «Епикурово злейше учение и сие есть, яко и вся тварь сия счастиемъ неким, а не хотениемъ и судом божіимъ правится». Слышиши ли, чие сие учение безбожное и како от самех еллинех зле хулимо есть? (Сочинения Максима Грека. Послание о фортуне)

2. Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.
Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.
Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.
День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.
И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?
И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу

Мне все б хотелось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять (1829).

ВАРИАНТ 26

1. Благословеснейший евангелистъ Иоаннъ «весь миръ во зле лежати» пишетъ.
Златыя веки суть въистинну ныне: много златомъ
Приходитъ санъ, златомъ съветуется любовь.
Въ цене цена ныне есть, дасть кенсон саны,
Кенсон дружбы, убогий вездѣ лежитъ празденъ.

Такъ же и Петръ, апостольскій начальникъ, днесъ еще съ теологіею и разныхъ силъ съ чудеса приидеть, еще ничего не принесетъ, дверемъ затвореннымъ, извержется вонъ. Никоторый порокъ не скуденъ и грехъ похотный, от него же дело общее человеческое падаетъ. Много ныне въ мирѣ въ наши времена льстей и лукавствы; ныне кто вредилъ перваго, хоцетъ мощи вредити и втораго; ныне умъ строптивы злыхъ не поучается ползу чинити, но и не боится беспамятенъ взятаго быти добра; въздати радуется человекъ лукавый за медъ ядъ, за плодъ пеню, за благость леть. Ныне брани вездѣ:

Ныне живутъ от похищенія; несть гостиникъ от гостя безъ боязни.

Несть тестъ от зятя; и братская убо любовь редка есть.

Належить пагуба: взявляй ризу, хоцетъ взяти и срачицу; украдый овцу, мыслитъ отвести и корову, ниже въ томъ конецъ поставляетъ, но еще можетъ, все прилежитъ ближняго похитити, ниже въ томъ почиетъ, донеле последи того же ближняго своего от сего житья отовлечетъ. Гдѣ ужо да почиетъ трость, путь злыхъ пища въ сомъ бедномъ животѣ, о немъ же ко мнѣ гаданіемъ писалъ еси възвещати. От сихъ бо цело уразумель еси, коль вредными и неугодными стезями хромыми ногами, слепыма очима она земная власть и все естество человеческое ходитъ ныне.

По сихъ по чину да господь богъ вся твоа и тебѣ добре въ благодати своей устроить, душу твою святую къ славе да сохранитъ, тело упасетъ, умъ въ земныхъ действуемыхъ да исправить, разумъ и внутреняго твоего человека къ зрѣнію божественаго Писанія да воставитъ, да скончавъ настоящихъ мирскихъ леть число, възйти въ обою человеку възможеши ко обетованной землѣ живыхъ, въ ней же часы не начинаютъ дней, восхода и захода не имеютъ, годоваго предела не стяжутъ, старость младенства не пременяетъ, немощь здравіа не озлобляетъ, смерть живота не скончеваетъ; времена несчастія тамо не чаются, тамо вся красна, ничто неблаго, вся добра, ничто спротивно, несть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бесъ конца тихій покой, никоего неразумія, но всевѣчна премудрость (Сочиненія Федора Ивановича Карпова. Посланіе митрополиту Даниилу. XVІ в.).

2. МЕЧТАТЕЛЮ

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображение
И в сердце тихое уныние таить.
Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе, медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие, рыдая, обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья, --
Поверь, тогда б ты не питал
Неблагодарного мечтанья!
Нет, нет; в слезах упав к ногам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, иступленный,
Тогда б воскликнул ты к богам:
«Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возьмите от меня сей образ роковой;
Довольно я любил; отдайте мне покой...»
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой (1818).

ВАРИАНТ 27

1. Многу печаль в сердци своемъ вижю вас ради, чада, понеже никакo же вижю вы пременишася от делъ неподобныхъ. Не тако скорбѣти мати, видящи чада своя боляща, яко же аз, грешнии отецъ вашъ, видя вы боляща безаконными делы. Многажды глаголахъ вы, хотя отставити от васъ злыи обычаи – никакo же пременившася вижю вы. Аще кто васъ разбоиникъ, разбоя не отстанеть, аще кто крадеть – татбы не лишиться, аще кто ненависть на друга имать – враждуя не почиваетъ, аще кто обидитъ и въсхватаетъ грабя – не насытиться, аще кто резоионецъ – резъ емя не престанеть, обаче, по пророку: «Всѹе мятетсѹ: збираетъ, не вестъ кому збираетъ». Окаанныи и помыслить, яко нагъ родися – тако отходит, ничто же имый, но токмо клятву вечну; аще ли кто любoдей – любoдейства не отлучиться, сквернословецъ и пьяница своего обычая не останеться. Како оутешюся, видя вы от бога отлучишася? Како ли обрадуюсь? Всегда сею в ниву сердецъ вашихъ семя божественное, николи же вижю прозябша и плодъ породивша. Молю вы, братъе и сынове, пременитесь на лучшее, обновитесь добрымъ

обновлениемъ, престаните злая творяще, оубойтесь створшаго ны бога, вострепещете суда его страшнаго! Кому грядем, кому приближаемся, отходяще света сего? Что речемъ, что отвещаемъ? Страшно есть, чада, впасти въ гневъ божии. Чему не видимъ, что приди на ны, в семъ житии еще сущимъ? Чего не приведохомъ на ся? Какія казни от бога не въсприяхомъ? Не пленена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупиемъ на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ пленъ? Не порабощени быхомъ оставшей горкою си работою от иноплеменникъ? Се уже к 40 летъ приближаетъ томление и мука, и дане тяжкыя на ны не престануть, глади, морове животъ нашихъ, и в сласть хлеба своего изъести не можемъ, и въздыхание наше и печаль сушать кости наша. Кто же ны сего доведе? Наше безаконье и наши греси, наше неслушанье, наше непокаянье. Молю вы, братье, кождо васъ: вниидите в помыслы ваша, оузрите сердечныма очима дела ваша, - възненавидете их и отверзете я, к покаянью притецете (Поучение преподобного Серапиона Владимирского, XI в.).

2. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?
В минуты мрачные болезни роковой
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной:
И слабым шепотом подругу я назвал...
Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы,
Я слабою рукой искал тебя во мгле...
И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцелуй на пламенном челе...
Бессмертные! С каким волненьем
Желанья, жизни огонь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал...
И скрылась ты прелестным привиденьем!
Жестокий друг! меня томишь ты упоеньем:
Приди, меня мертвит любовь!
В молчанье благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги...
Не медли, поспешай, прелестный воин мой,

Приди, я жду тебя. Здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости молодой (1818).

ВАРИАНТ 28

1. Якоже бо Василий учаше, собрав ту уноша, душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку беседу и в меру слово господне: «Яди и питью бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старейшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имети; без луки беседующе, а много разумети; не свереповати словомъ, ни хулити беседою, не обило смеяться, срамлятися старейших, к женам нелепымъ не беседовати, долу очи имети, а душу горе, пребегати; не стрекати учить легких власти, ни в кую же имети, еже от всех честь. Аще ли кто васъ можетъ инемъ услети, от бога мзды да чаеть и вечных благъ насладится». «О Владычице богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего»; в пустошнемъ семь жити.

Научися, верный человеце, быти благочестию делатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, телу порабощенье, гневу погубленье, помысль чистъ имети, понужаяся на добрая дела, господа ради; лишаемъ – не мсти, ненавидимъ – люби, гонимъ – терпи, хулимъ – моли, умертви грехъ». «Избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицу. Придете, да сождемъся, глаголетъ господь. Аще будут греси ваши яко оброщени, яко снегъ обелю я», и прочее. «Восияеть весна постная и цветъ покаянья, очистимъ себе, братья, от всякоя крови плотскыя и душевныя. Светодавцю вопыюще рцемъ: Слава тебе, человеколюбче!»

Поистине, дети моя, разумеите, како ти есть человеколюбецъ богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человеци, грешни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хожемъ и пожрети и кровь его прольяти вскоре; а господь нашъ, владея и животомъ и смертью, согрешенья наша выше главы наша терпитъ, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бъя, и паки привлечь е к собе, тако же и господь нашъ показал ны есть на врагы победу, 3-ми дела добрыми избыти его и победити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дети мои, не тяжька заповедь божья, оже теми дела 3-ми избыти греховъ своихъ и царствия не лишитися (Поучение Владимира Мономаха).

2. Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:
Когда б оставили меня

На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.
Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.
А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров –
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков (1833).

ВАРИАНТ 29

1. Нъ послушайте, братие, съ всяцемъ прилежаниемъ, испълнь бо есть пользы слово се въсемъ слушающимъ. Молю же вы, о възлюблении: да не зазрите пакы грубости моей, съдржимъ бо сый любвию еже къ преподобьнууму, сего ради окусихся съписати вся си яже о святемъ, къ симъ же и блудый, да не къ мне речено будетъ: «Зълый рабе ленивый, подобаше ти дати сребро мое тържникомъ, и азъ пришед быхъ съ лихвою истязалъ е». Темъже якоже и несть лепо, братие, таити чюдесъ божиих наипаче богу рекъшоуму ученикомъ своимъ: «яко же глаголю вамъ въ тьме, поведите на свете и еже въ уши слышасте, проповедите въ домъхъ». Си на успехъ и на устроение беседующимъ съписати хоцю, и о сихъ бога славяще, мзды отдание примете. Хотяцю же ми исповедати начати, преже молюся господеву, глаголя сиче: «Владыко мой, господи всесдржителю, благымъ подателю, отче господа нашего Исус Христа, прииди на помощь мне и просвети сърдце мое на разумение заповедий твоихъ и отвързи устье мои на исповедание чюдесъ твоихъ и на похваление святаго въгодника твоего, да прославиться имя твое, яко ты еси помощникъ всемъ уповающимъ на тя въ веки. Амин».

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попрыищъ, именемъ Васильевъ. Въ томъ беста родителя святаго въ вере крестиянстей живуща и

всячьскимь благочистиюмь укршена. Родиста же блаженаго детища сего, таче въ осмый днь принесоста и къ святителю божию, якоже обычай есть крестияномъ, да имя детищю нарекутъ. Прозвутерь же, видевь детища и сьрьдьчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хоцеть измлада богу датися, Феодосиемь того нарицаеть. Таче же, яко и минуша 40 дньий детищю, крещениемъ того освятиша. Отроча же ростяше, кърмимь родителема своимь, и благодать божия съ нимь, и духъ святой измлада въселися въ нь.

Къто исповестъ милосьрдие божие! Се бо не избра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градъ пастуха и учителя инокимь, нь – да о семь прославиться имя господне – яко грубъ сы и невежа премудрей философъ явися. О утаения тайно! Яко отнюдуже не бе начаятися, оттудуже въсия намъ деньница пресветла, якоже отъ всехъ странъ видевьше свьтение ея, тещи к ней, вся презревьше, тоя единая света насытитися (Житие Феодосия Печерского).

2. Отцы пустынники и жены непорочны,

Чтоб сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольнихъ бур и битв,
Сложили множество божественныхъ молитв;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляет,
Какъ та, которую священникъ повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всехъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшего крепитъ неведомою силой:
Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мнѣ зрѣть мои, о боже, прегрешенья.
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпенія, любви
И целомудрія мнѣ въ сердце оживи (1836).

ВАРИАНТ 30

1 в . Примемъ, братье, отъ хранилнице сея некое чювьство ползы духовныя, сия книги приемше, научимся, что убо речеса, что ли остася. Благонаучите разумъ вашъ къ покаянью святыхъ книгъ. И о семъ молю вы, да часто послушайте святыхъ книгъ и въ церквахъ, и въ домахъ.

Не глаголите: жену имамъ и дети кормлю, и домъ строю, ли князю служю, ли власть держю, ли ремество; да не наше есть дело почитанье книжное, но чернечское. Что глаголеши се, о человече буре, разумеешь? Въ толице бури и мятежи жива, и въ печалехъ буда мира сего пустошнаго, и не отгониши отъ себе печали мира сего лестнаго почитаньемъ книжнымъ! Черньци, убежавше мирскихъ мятежъ, въ затишье сядятъ, много утверженье приемлютъ; мы же, живуще въ велице бури мира сего, тмами грехи творяще: да темъ треба вы, братье, часто почитающе

святыя книги, отганяти печали, и теми искати спасенья. Капля бо часто каплющи и камень вдолит, тако и почитая часто книги с разумом, разрешит греховныя сузы.

Ты же, брате, друже, глаголеши: аще и чту, но не разумею; но аз ти повем, что ради не разумеем чтомых. Аз мню, яко имам сердце величаво и гордо, непокориво и гневливо, и самомниво, и пьянчиво: того ради не разумею писания. Рече бо пророк: В злохытру душу не внидет премудрость, ни можеста укоренити сердца лукаве и скверныне пьянством и блудом. Сирах рече: Господь созда мудрость, и дасть ю любящим ю. Да поне прилежи почитанью книжному, и Господь даст ти разум и освященье: сего бо ради устроися дар духовный да вси разумеют; се бо мытаря, и рыбака, и пастуха, невежи и некнижники умудри, да не единже от невеж глаголет или прибежит в то непщеванье, да вси, веже и невеже, примут спасение от почитанья книжнаго. Рече бо пророк: Будут вси учими Господом; и паки рече: Все уведят мя от мала и до велика. И Павел апостол рече: Аз, братье, придох не смыслом, но силою человеческою, ни мудростью, но указанием Святаго Духа! Кому бо не яве суть евангельская словеса, братье и отци и господье мои? Кто ли в них не слышит Господа, глаголюща: Блажены кротци, блажени милостиви, блажени чисти сердцем, блажени изгнани и поносими, Господа ради. Елико такового ученья требуете, якоже разумети глаголемая, но не разумееша лежащих: како бы разумети хочещи, не хотя приникнути простотою сердца, не приимая книг? (Кирилл Туровский. Того же Кюрила наказанье)

2. Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознеся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.
И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.
Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца (1836).

Образцы выполнения заданий

Задание 1. Та же меня взяли от всенощнаго Борис Нелединский со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда же розсветало в день неделный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и туть на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ель, ни пиль; во тме сидя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох доходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приальченъ, сиречь есть захотел, и после вечерни ста предо мною, не вемъ – ангель, не вемъ – человекъ, и по се время не знаю, токмо в потемкахъ молитву сотвориль, и, взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привель и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штець дал похлебать – зело прикусны, хороши! И рекль мне: «Полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только человекъ, а что же ангель? Ино нечему дивитца – везде ему не загорожено. На утро архимарить з братьею пришли и вывели меня, журят мне: «Что патриарху не покорисся?» А я от Писания ево браню да лаю. Сняли большую чеп, да малую наложили, отдали чернцу под началь, велели волочить в церковь. Уцеркви за волосы деруть, и под бока толкають, и за чепь торгають, и в глаза плюють. Богъ их простит в сий векъ и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидель туть я четыре недели (Житие Аввакума).

Особенностью данного текста является соединение книжно-славянских языковых элементов с элементами разговорной речи. Житийный жанр текста, социальный статус его автора, тема повествования обусловили включение книжных, церковных слов и выражений: *всенощнаго, патриархов двор, Андроньев монастырь, вечерня, молитва, приалчен, вемъ, ангел, архимандрит, братьею, патриарх, Писание, чернцу, церковь, Бог, сий век и будущий, сатаны лукаваго, по се время*. В то же время встречается немало слов и выражений, свойственных обиходно-разговорной речи: *телегу, полатку, мыши, тараканы, сверчки, блох, плечо, лавке, лошку, хлебца, штець, за волосы деруть, под бока толкають, в глаза плюють*.

Среди церковнославянских признаков на фонетическом уровне можно назвать следующие: наличие *щ* на месте праславянской группы *kt: *всенощнаго*; неполногласие: *предо, время, браню*. Восточнославянские фонетические особенности: наличие *ч* на месте праславянской группы *kt: *ночью*; полногласие: *загорожено; волочить; волосы; тараканы*; начальное сочетание *ро* из праславянского *or: *розсветало, ростянули*; наличие *ж* на месте праславянского *dj: *загорожено*. Влиянием разговорной речи можно объяснить наличие твердых губных согласных: *чепь*; ассимиляцию согласных: *лошку, немношко, покорисся, дивитца*; упрощение группы согласных: *архимарить*; утрату взрывного *г* и

замену его губным согласным: *ево*. Смещение звуков *ц* и *ч* в слове *чепь* является северновеликорусским диалектным признаком.

На морфологическом уровне можно выделить признаки как церковнославянского языка, так и разговорной речи. Книжными по происхождению или архаичными ко времени создания текста являются окончания членных форм: *всенощнаго*; склонение именных форм: *на патриархове дворе, от патриархова двора до Андроньева монастыря*; сохранение архаичных местоимений: *сий векъ, се время*, энклитических форм: *довлеет ти*; редкие формы аориста: *бысть* в конструкции *бысть приальченъ*, которую протопоп Аввакум сразу же и поясняет *сиречь есть захотель, ста* при описании чудесного появления ангела; употребление временного союза *егда*. Многочисленны факты влияния живого языка: восточнославянские и новые формы местоимений: *я, меня*; инфинитив на *-ть*: *есть, похлебать, волочить*; перфект без связки как наиболее распространенная глагольная форма прошедшего времени: *взяли, отвели, посадили* и др. В синтаксисе текста преобладает сочинение над подчинением; характерны бессоюзные предложения, средства экспрессивно-эмоционального синтаксиса: восклицательные и вопросительные предложения: *Зело прикусны, хороши! Что патриарху не покорисся?*; инверсия: *Сидель тут я четыре недели*; повторяющиеся соединительные союзы: *У церкви за волосы деруть, и под бока толкають, и за чепь торгають, и в глаза плюють*. Диалектной чертой является употребление повторяющегося глагола *не знаю* в функции, приближающейся к функции разделительного союза, при выражении сомнения. В анализируемом контексте «названный оборот использован дважды. В первый раз в разговорной русской разновидности, в форме дважды повторенного глагола *не знаю* – пока речь идет о внешне-бытовом изображении подземной палатки. Когда же Аввакум переходит к повествованию о случившемся с ним чуде, тут и стиль меняется, включается церковнославянская лексика, однако оборот остается прежним, но дважды повторяется глагол *не вею*, придающий всему рассказу оттенок торжественности» [10, с.138]. Все это подтверждает воздействие устной речи на книжную традиционную манеру письма. Стиль своего изложения Аввакум называет *вяканьем*, противопоставляя *природную* речь риторическим стилям русской письменности.

Задание 2. ЭПИЛОГ К ПОЭМЕ «Руслан и Людмила»

Так, мира житель равнодушный,
На лоне праздной тишины
Я славил лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пел – и забывал обиды
Слепое счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды
И сплетни шумные глупцов.

На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной;
И между тем грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибал... Святой хранитель
Первоначальных, бурных дней,
дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила мир,
Ты сохранила мне свободу,
Кипящий младости кумир!
Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой –
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек –
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...

В отличие от предшествующего периода развития русского литературного языка «употребление речевых средств в произведениях Пушкина стало определяться не жанром письменности, а содержанием высказывания, ситуацией поэтического изображения, поэтому стало возможным употребление различных речевых средств в одном и том же жанре, экспрессивно оправданное комбинирование средств книжной и устной (разговорной) речи в процессе реализации художественного замысла» [5, с.197-198]. Данное произведение характеризуется наличием традиционных элементов поэтической речи, прежде всего церковнославянизмов. Их отличительными чертами являются: неполногласие: *праздной, преданья, врагов, возвратила, сохранила, младости, берегов, пред, главы, прелестью, краткий*; *жд* на месте праславянского *dj: *между, прежде*; *щ* на месте праславянского *tj: *кипящий*; отсутствие перехода *е* в

о: *протек*; старославянские словообразовательные модели и соответствующие аффиксы: *житель равнодушный, хранитель, утешитель; измены; первоначальных, песнопений, вдохновений, впечатлений; восторг; чувствами; болезненной*. Архаичной является также форма *огнь*. В зависимости от их стилистической функции церковнославянизмы неоднородны. Среди них выделяются нейтральные, ассимилировавшиеся русской речи: *время, прежде, праздный, между*; церковнославянизмы, употребление которых семантически отлично от существующих параллельно восточнославянских лексем: *сохранила*; церковнославянизмы, семантически тождественные соответствующим восточнославянским формам: *главы, берегов, краткий* и др. Их использование в произведении несет стилистическую функцию. Единицы славянизированной речи являются традиционными экспрессивными знаками поэтической манеры письма. В своем творчестве А.С. Пушкин употребляет такие славянизмы в новых, необычных для них контекстах, в новых переносных значениях. При этом наблюдается перенос из церковной сферы употребления слова в светскую: *святой хранитель, Богиня песнопений, душа полна томительною думой; кумир*. Признаками традиционной книжной манеры письма является также использование мифологизмов: упоминание имени античной *Дориды*; перифрастическое наименование Музы - *Богиня тихих песнопений*; употребление поэтизмов: *славил лирой, я пел, огнь поэзии* и др. С этими элементами книжного языка сближаются в данном тексте наиболее устойчивые в поэзии элементы «нового слога»: перифрастические выражения: *дружба - святой хранитель Первоначальных, бурных дней; нежный утешитель Болезненной души моей; свобода - Кипящий младости кумир; Муза - Богиня тихих песнопений*; семантические неологизмы того времени: *прелестью, вдохновений, впечатлений, восторгов*; средства риторического синтаксиса. Все это свидетельствует об эмоционально-экспрессивной функции книжных элементов.

Лиризм произведения препятствует употреблению просторечной лексики. Экспрессивным средством в тексте является включение в однородный ряд книжных и разговорных единиц: *измены ветреной Дориды И сплетни шумные глупцов*. В основном же язык текста подтверждает творческое освоение автором книжной традиции. Слова подбираются не по признаку их происхождения, а по признаку максимально точного выражения мысли. «Характер их отбора и организации определяется не жанром произведения, не формой речевой деятельности, а содержанием художественной информации; именно контекст, речевая ситуация предопределяют отбор слов, словоформ, оборотов речи и грамматических конструкций. <...> Содержание художественной мысли облекается в соответствующую словесно-образную форму» [5, с.199].

Литература

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка ХУ11-Х1Хвеков. - М.: Высшая школа, 1982.
2. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка.— М.: Высшая школа, 1984.
3. Ефимов А.И. История русского литературного языка. – М.: Высшая школа, 1971.
4. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1978.
5. Кожин А.Н. Литературный язык допушкинской России. – М.: Русский язык, 1989.
6. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – М., 1989.
7. Кураш С.Б., Кузьмич В.В. Курс лекций по истории русского литературного языка и стилистике. – Мозырь, 2002.
8. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (Х- середина ХУ111 в.).- М., 1975.
9. Мельнікаў А.А. Кірыл, епіскап Тураўскі. – Мн.: Беларуская навука, 1997.
10. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.
11. Памятники литературы Древней Руси. Х1 – начало Х11 века. – М.: Художественная литература, 1978.
12. Памятники литературы Древней Руси. Х11 век. – М.: Художественная литература, 1980.
13. Памятники литературы Древней Руси. Х111 век. – М.: Художественная литература, 1981.
14. Памятники литературы Древней Руси. Х1У – середина ХУ века. – М.: Художественная литература, 1981.
15. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина ХУ века. – М.: Художественная литература, 1982.
16. Памятники литературы Древней Руси. Конец ХУ – первая половина ХУ1 века. – М.: Художественная литература, 1984.
17. Памятники литературы Древней Руси. ХУ11 век. Книга вторая. – М.: Художественная литература, 1989.
18. Судавичене Л.В., Сердобинцев Н.Я., Кадькалов Ю.Г. История русского литературного языка. Л.: Просвещение, 1984.
19. Ремнева М.Л. Литературный язык Древней Руси: Некоторые особенности грамматической нормы.— М., 1988.
20. Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка ХУ111 – начала Х1Х в. – М., 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Задания	3
Вариант 1	4
Вариант 2	5
Вариант 3	6
Вариант 4	8
Вариант 5	9
Вариант 6	11
Вариант 7	12
Вариант 8	14
Вариант 9	15
Вариант 10	17
Вариант 11	19
Вариант 12	20
Вариант 13	22
Вариант 14	23
Вариант 15	25
Вариант 16	26
Вариант 17	28
Вариант 18	29
Вариант 19	31
Вариант 20	32
Вариант 21	34
Вариант 22	35
Вариант 23	37
Вариант 24	38
Вариант 25	39
Вариант 26	41
Вариант 27	42
Вариант 28	44
Вариант 29	45
Вариант 30	46
Образцы выполнения заданий	48
Литература	52

Учебное издание

**ЗАДАНИЯ К КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЕ
ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА
(Ч. II. ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА)**

**Авторы-составители: Холявко Елена Ивановна,
Асенчик Елена Федоровна**

Лицензия ЛВ № 357 от 12 февраля 1999 г.
Подписано в печать 12.05.03. Формат 60х84 1/16.
Бумага писчая № 1. Гарнитура «Таймс».
Усл.п.л. 3,08. Уч.-изд.л. 3,54. Тираж 80 экз.
Заказ № 77.

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»
Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»
246019, г. Гомель, ул. Советская, 104

В лето 6545. Заложил Ярославъ городъ великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святая Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротехъ святая Богородица благовещенье, посемь святого Георгия монастырь и святая Ирины. И при семъ нача вера хрестьяньска плодится и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бе Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьце, и книгамъ прилежал, и почитая е часто в нощи и въ дне. И собра писце многи и прекладаше от грекъ на словенское писмо. И списаша книги многи, ими же поучающиеся вернии людье наслаждаются ученья божественаго. Якоже бо се некто землю разоретъ, други же насеетъ, инии же пожинають и ядятъ пищу бескудную, - тако и съ. Отецъ бо сего Володимеръ землю взора и умягчи, рекше крещеньемъ просветивъ. Съ же насея книжными словесы сердца верныхъ людей, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бываетъ полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обретаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина: сими бо в печали утешаемы есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваляше ю, глаголаше: «Азъ, премудрость, вселихъ светъ и разумъ и смыслъ азъ призвахъ. Страхъ господень... Мои съвети, моя мудрость, мое утверждение, моя крепость. Мною цесареви царствуютъ, а силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и мучители держать землю. Азъ любящая мя люблю, ищущи мене обрящють благодать». Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи велику ползу души своей. Иже бо книги часто чтеть, то беседуетъ с богомъ или святыми мужи. Почитая пророческия беседы, и евангельская ученья и апостолская, и жития святыхъ отецъ, възприемлетъ души велику ползу (Повесть временныхъ лет).

Богъ вложилъ есть всякое похотенье человеку духовнымъ и телеснымъ деломъ: спанию время и мера, похотению едению время и мера, питию время и мера, женоложью похотению время и мера, - что ли боле въ имена писати? Всему есть похотению время и мера уречено, живущему въ вере честней, въ крестьянстве. Да аще вся та похотения деяти будетъ безъ време и безъ меры, то грехъ будетъ въ души, а недугъ в телеси. Недугъ всь ражается въ телеси человекѣ, въ кручинѣ. Кручина же съсядется от излишнаго пития и едения, и спания, и женоложья, иже безъ време и безъ меры. Кручины же три въ человецѣ: желта, зелена, черна; да от желтое огненная болезнь, а от зеленое зимняя болезнь, а от черное смерть, рекши души исходъ; дьяволъ же тогда радуется о погыбели человекѣ. Того же недуга богъ не створи, нъ самъ в себе стваряетъ недугъ безвременнымъ деяннемъ и безмернымъ, и самъ ся осужаетъ на муку; аще ся не покаетъ, ни встыгнется от того. И творилъ бы в подобно время и въ меру, и спасенъ бѣ былъ. Да всякому верному человеку держати той норovy: похотению время, а на излишное похотение меру налагати узду въздержания; аще будетъ похотение безъ време, то въздержатся; аще ли въ время похотение будетъ, то твори, его же хочещи, нъ въ меру, а не безъ меры. Колико больше суть кони, колико ны вышii есть песь, и коеждо бо от техъ животныхъ видимъ, едѣша или пивша, чересь сытъ не брегуть: аще и тмами нудящей будутъ, не хочеть излише меры прияти – не убо ли сихъ и конь хужьши мы? Аще видимъ и скота грязяща, тѣ не презримъ, егда ли видимъ друга. Всегда погружаема, то посмеемся. Нъ мы, братье, не створимъ тако, да не будемъ осужени в муку: векъ бо сий коротокъ, а мука долга и бесъ конца грѣшному (Поучение Моисея о чрезмерномъ излишествѣ, XI1 век).

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смеють ми ся. Темъ же не ими другу веры, ни надеися на брата.

Не лгаль бо ми Ростиславъ князь: лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лепше смерть, ниже продолжень животъ в нищети. Яко же бо Соломонъ рече: ни богатества ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богатъ – гордость восприиму, аще ли буду убогъ – помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядню.

Темъ же вопию к тебе, одержимъ нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимира, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужъ везде знаем есть и на чюжеи стране друзи держить; а убогъ во своей ненавидим ходить. Богат возглаголетъ – вси молчат и вознесут слово его до облакъ; а убогии возглаголетъ – вси на нь кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна.

Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от усть лвовъ. Азь бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посекають его и на огнь мечють; тако и азъ всем обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человекъ, приемля многия беды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити; всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чюжеи беди, а о своей не может смыслити. Злато съкрушается огнемъ, а человекъ напастьми; пшеница бо много мучима чистъ хлебъ являеть, а в печали обретаеть человекъ умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы едятъ, а печаль человека; печалну бо мужу засышють кости.

Аще кто в печали человека призрит, какъ студеною водою напоить во зноинныи день (Моление Даниила Заточника).

Се уже рек приближающихся и уже мало нашего жития и века, якоже рече Господь, вся си събышася: и востати имат язык на язык и царство на царство и страна на страну и царь на царя и князь на князя, епископ на епископа и чернец на чернца и брат на брата; будут глады и пагубы по местом и трусы; вся же та в начяло болезнем. По том же солнце и месяц померькнет, небеса совиются во свиток и силы небесныя явятся. И по сем судия Божий приидет судити всему миру, скончавъшу бо ти ся уроку жития и остав'шим же ся трем летом седмыя тысящи; будет в та три лета царьство антихристово. По скончании же триех лет царства его послет Господь Михаила и Гаврила, и вострубят в рога овня, и в мегновении ока воскреснут. Мертвии же праведницы по добродетели их прежде воскреснут, последи же грешницы омрачений по злым их делом, по сем огонь неугасимый потечет от востока и до запада, поядая горы и камене и древа, и море иссушая; твердь же яко бересто свертится и вся видимая сущия вещи развеет; человек вся от ярости огненныя яко воск растает и згорит вся земля, и сквозе тый огонь подобает итти всякому человеческому роду, и не будет где укрыти его, но будет болезнь и скорбь паче же грешным непокаявшимся и не единая же скорби имевши о души своей, но точию в покои мнозе, в пици и в питии, но во блюде и в прелюбодеевании и в прочих инех согрешениях, да тем явится им яру беду отмщения носящи, не явит бо ся им яко трием отроком хлад: явится праведным хлад, а не огонь – всех же суть нецыи мало имуще согрешений не исправленна яко человецы, понеже есть Бог един без греха, Иже плоть взя нашего спасения, да сий огонь искусивый очистит я, и просветятся телеса его яко солнце; праведным же дает хлад, а грешным – опаление и омрачение. Прешедшим же им огненую реку ону, огненная же река си по Божию велению послуживъша, отшедша к западу и учинится во озеро огненное на мучение грешным. И по сем будет земля разна, яко же бе искони, и бела паче снега, и паки из нея трава и цветы мнози различнии и древа не яко видимая суще, но высокою и величеством невозможно изглаголати усты человеческими, понеже суть духовна о Христе Исусе о Господе нашем (Кирилл Туровский. Слово святаго Кирила. Благослови, отче!).

Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребренныя органы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслих. Востану рано, исповемъ ти ся. Да разверзу въ притчах гадания моя и провещаю въ языцех славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мои трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съюзъ сердца моего и разбих зле, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похуления твоего на мя.

Азь бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имею плода покаянию; имею бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мои, аки нощный вранъ на нырищи, забдех; и рассыпая животъ мой, аки ханаонскый царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своея.

Но видих, господине, твое добросердие к собе и притекох къ обычней твоеи любви. Глаголетъ бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишень будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и тои ты препитаеши въ веки.

Азь бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на ню же ни солнце сияетъ, ни дождь идетъ; тако и азъ всемъ обидимъ есмь, зане огражень есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердымъ.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небесныя, яко тии не орють, ни сеють, но уповають на милость Божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютее; кому Бело озеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне на нем сидя плачь горкий; и кому ти есть Новъгород, а мне и углы опадали, зане не процвите часть моя (Моление Даниила Заточника).